

Коллектив авторов
Универсальная хрестоматия. 1 класс
Серия «Светлячок. Хрестоматии»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890819
Универсальная хрестоматия: 1 класс: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69990-2

Аннотация

Универсальная хрестоматия составлена в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта нового поколения и может быть использована со всеми основными учебниками по литературному чтению, рекомендованными Министерством образования и науки РФ.

Книга включает в себя произведения устного народного творчества, сказки русских и зарубежных писателей, стихотворения и прозу отечественных классиков. Кроме того, в хрестоматии имеются краткие биографические сведения и интересные факты из жизни любимых детских писателей.

Содержание

Устное народное творчество	5
Загадки	5
Небылицы	7
Потешки	9
Пословицы и поговорки	10
Скороговорки	13
Считалки	15
Докучные сказки	17
Русские народные сказки	18
Волк и коза	18
Лиса и кувшин	19
Лиса и козёл	20
Пузырь, соломинка и лапоть	20
Лисичка-сестричка и волк	20
Теремок	22
Привередница	22
Терёшечка	26
Кот и лиса	27
Лиса-исповедница	28
Никита Кожемяка	29
Журавль и цапля	30
Петушок – золотой гребешок	30
Морозко	32
Русская литература XIX века	34
Проза	34
Владимир Иванович Даль (1801–1872)	34
Девочка Снегурочка	34
Старик-годовик	36
Лев Николаевич Толстой (1828–1910)	36
Косточка (Быль)	37
Старый дед и внучек	37
Птичка	38
Зайцы и лягушки	38
Отец и сыновья	39
Булька	39
Три калача и одна баранка	39
Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870)	40
Четыре желания	40
Ветер и солнце	40
Учёный медведь	41
Худо тому, кто добра не делает никому	41
Гусь и журавль	41
Орёл и кошка	41
Поэзия	43
Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844)	43
«Весна, весна! как воздух чист!...»	43

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848–1930)	44
«Всё зазеленело...»	44
Привет	44
Родине	45
Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)	46
Жаворонок	46
Птичка	47
Котик и козлик	47
Иван Андреевич Крылов (1769–1844)	47
Лебедь, Щука и Рак	48
Стрекоза и Муравей	48
Мартышка и Очки	49
Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)	49
Колыбельная песня	49
Весна (Посвящается Коле Трескину)	50
Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)	50
Дедушка Мазай и зайцы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Универсальная хрестоматия: 1 класс

Устное народное творчество

Загадки

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.

Книга

* * *

Чёрный Ивашка,
Деревянная рубашка,
Где носом ведёт,
Там заметку кладёт.

Карандаш

* * *

Железный нос
В землю врос,
Роет, копает,
Землю разрыхляет.

Лопата

* * *

Сидит дед,В
о сто шуб одет.
Кто его раздевает,
Тот слёзы проливает.

Лук

* * *

Среди двора стоит копна:
Спереди вилы, сзади метла.

Корова

* * *

Кланяется, кланяется,
Придёт домой – растянется.

Топор

* * *

Маленька,
Светленька,
Да весь мир одевает.

Игла

* * *

Летит орлица
По синему небу.
Крылья распластала,
Солнышко застлала.

Туча

* * *

Сам алый, сахарный;
Кафтан зелёный, бархатный.

Арбуз

Небылицы

У Иванова двора
Загорелась вода.
Всем селом пожар тушили,
А огонь не загасили.
Пришёл дедушка Фома,
Расседая борода.
Он народ погнал в овин¹,
Затушил пожар один.
Как Фома тушил пожар,
Он об этом не сказал.
Только слышно стороной:
Затушил он бородой!

* * *

Между небом и землёй
Поросёнок рылся
И нечаянно хвостом
К небу прицепился.

* * *

Из-за леса, из-за гор
Едет дедушка Егор.
Он на сивой² на телеге,
На скрипучем на коне,
Топорищем подпоясан,
Ремень за пояс заткнут,
Сапоги нараспашку,
На босу ногу зипун³.

* * *

Ехала деревня мимо мужика,

¹ Овин – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьбой.

² Сивый – цвет лошади: вороная с проседью.

³ Зипун – в старину верхняя одежда у крестьян из домотканого коричневого или чёрного сукна.

Вдруг из-под собаки лают ворота.
Выхватил телегу
Он из-под кнута
И давай дубасить
Ею ворота.
Крыши испугались,
Сели на ворон,
Лошадь погоняет
Мужика кнутом.

Потешки

КОШКА И КУРОЧКА

Кошка на окошке
Рубашку шьёт,
Курочка в сапожках
Избёнку метёт.

МЫШИ

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Вот проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

ПЕТУШОК

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь?
Ване спать не даёшь?

Пословицы и поговорки

О РОДИНЕ

Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи.

* * *

Родина – мать, умей за неё постоять.

* * *

Где смелость, там и победа.

О ДРУЖБЕ

Нет друга – ищи, а нашёл – береги.

* * *

Все за одного, один за всех.

ОБ УМЕНИИ И ТРУДОЛЮБИИ

Делу время, а потехе час.

* * *

Учение – путь к умению.

* * *

Терпение и труд всё перетрут.

* * *

Семь раз отмерь, а один отрежь.

* * *

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

* * *

Не учи безделью, а учи рукоделью.

* * *

Труд человека кормит, а лень портит.

О ЛЕНИ И НЕРАДИВОСТИ

Поспешишь – людей насмешишь.

* * *

Под лежачий камень и вода не течёт.

* * *

Не спеши языком, торопись делом.

* * *

Делаешь наспех – сделаешь на смех.

* * *

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

* * *

Любишь кататься – люби и саночки возить.

* * *

На работу он сзади последних,
а на еду – впереди первых.

Скороговорки

На дворе трава, на траве дрова.
Не руби дрова на траве двора.

* * *

От топота копыт пыль по полю летит.

* * *

Проворонила ворона воронёнка.

* * *

Бежит лиса по шесточку,
Лизни, лиса, песочку!

* * *

Ехал грека через реку,
Видит грека – в реке рак,
Сунул грека руку в реку,
Рак за руку греку цап.

* * *

У перепела и перепёлки пять перепелят.

* * *

Шли сорок мышей, несли сорок грошей;
Две мыши поплоше несли по два гроша.

Считалки

Ай, чу-чу, чу-чу, чу-чу,
Я горошек молочу,
Я горошек молочу
На Ивановом току.
Ко мне курочка бежит,
Конопаточка спешит.
Ой, бежит она, спешит,
Ничего не говорит.
А из курочки перо
Полетело далеко,
Ой, далёко, далеко,
На Иваново село.

* * *

Конь ретивый⁴,
Долгогривый,
Скачет полем,
Скачет нивой,
Кто коня
Того поймает,
С нами в салочки
Играет.

* * *

Начинается считалка:
На берёзу села галка,
Две вороны, воробей,
Три сороки, соловей.

* * *

Ой ты, зоренька-заря,
Заря вечерняя.
А кто зореньку найдёт,

⁴ Ретивый – усердный, горячий, старательный.

Тот и вон пойдёт.

* * *

Конь ретивый
С длинной гривой
Скачет по полям
Тут и там.
Где проскачет он —
Выходи вон.

* * *

Палочка идёт,
Кого первого найдёт,
Тот за палочкой пойдёт.

Докучные сказки

Стоит град пуст,
А во граде куст.
Под кустом сидит старец,
У него в руках косо́й заяц.
У зайца во рту сало.
Не начать ли сначала?

* * *

Во борочке журавль да кулик.
На лужочке старушка и старик.
Накосили стожок сенца
И поставили у крыльца.
Не сказать ли сказку опять с конца?
Во борочке...

Русские народные сказки

Волк и коза

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдёт – козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит и опять уйдёт в бор, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк всё это подслушал, выждал время, и только коза в бор, он подошёл к избушке и закричал толстым голосом:

Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритесь, отворитесь,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

А козлятки отвечают:

– Слышим, слышим – не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонким голосом и не так причитает.

Волк ушёл и спрятался. Вот приходит коза и стучится.

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к нам бирюк (волк) и хотел их поесть.

Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала:

– Коли придёт кто к избушечке и станет проситься толстым голосом и не переберёт всего, что я вам причитываю, – того ни за что не впускать в двери.

Только ушла коза, волк прибежал к избушке, постучался и начал причитывать тоненьким голосом:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отперли дверь, волк вбежал в избу и всех поел, только один козлёночек схоронился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала – никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что всё отворено; в избу – а там всё пусто; заглянула в печь и нашла одного детища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

– Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злomu волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиною сделал.

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

– Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешишь? Неужели таки я сделаю это. Пойдём в лес, погуляем.

– Нет, кум, не до гулянья.

– Пойдём! – уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашу недавно варили, и оставалось в ней ещё довольно-таки огня.

Коза и говорит волку:

– Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлята оттуда да прыг к матери!

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Лиса и кувшин

Вышла баба на поле жать⁵ и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда – головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

– Ну, кувшин, пошутил, да и будет – отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать – поиграл, да и полно!

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

– погоди же ты, проклятый, не отстаёшь честью, так я тебя – утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

⁵ Жать – срезать серпом растения с корня.

Лиса и козёл

Бежала лиса, на ворон зазевалась – попала в колодец.

Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идёт козёл, умная голова; идёт, бородищей трясёт, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

– Что ты там, лисонька, поделываешь?

– Отдыхаю, голубчик, – отвечает лиса. – Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой – сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

– Хороша ли вода-то? – спрашивает козёл.

– Отличная! – отвечает лиса. – Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козёл, чуть лисы не задавил, а она ему:

– Эх, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел – всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Пузырь, соломинка и лапоть

Жили-были пузырь, соломина и лапоть⁶; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывём!» – «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдём по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошёл по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

Лисичка-сестричка и волк

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

– Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везёт домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошёл к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

– Вот будет подарок жене! – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

– Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привёз я тебе на шубу!

– Где?

– Там на возу – и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы – и начала ругать мужа:

– Ах ты, такой-сякой! Ты ещё вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе.

⁶ Лапоть – плетёная обувь.

Приходит к ней серый волк:

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуй, братец!

– Дай мне рыбки!

– Налови сам да и кушай.

– Я не умею.

– Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, седи да приговаривай: «Ловись, рыбка, и малá, и великá! Ловись, рыбка, и малá, и великá! Ловись, рыбка, и малá, и великá!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри седи подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

Ловись, рыбка, и малá, и великá!

Ловись, рыбка, и малá, и великá!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

Ясни, ясни, на небе звёзды,

Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

– Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

– То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило – и не вытащишь!» – думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

– Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом⁷, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей на-встречу:

– Так-то учишь? Меня всего исколотили!

– Эх, братец! – говорит лисичка-сестричка. – У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

– И то правда, – говорит волк, – где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он её и повёз.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

Битый небитого везёт,

Битый небитого везёт!

⁷ Коромысло – деревянное приспособление для ручного ношения двух вёдер или других грузов.

- Что ты, сестрица, говоришь?
- Я, братец, говорю: «Битый битого везёт».
- Так, сестрица, так!

Теремок

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норушка и спрашивает:

- Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

Никто не отзывается.

Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове.

Пришла лягушка-квакушка:

- Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

- Я, мышка-норушка; а ты кто?

– А я лягушка-квакушка.

- Ступай ко мне жить.

Вошла лягушка, и стали себе вдвоём жить.

Прибежал заяц:

- Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

- Я, мышка-норушка, да лягушка-квакушка; а ты кто?

– А я на горе увёртыш.

- Ступай к нам.

Стали они втроём жить.

Прибежала лисица:

- Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

- Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш; а ты кто?

– А я везде посकोкиш.

- Иди к нам.

Стали четверо жить.

Пришёл волк:

- Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

- Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде посकोкиш; а ты кто?

– А я из-за кустов хватыш.

- Иди к нам.

Стали пятеро жить.

Вот приходит к ним медведь:

- Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде посकोкиш, из-за кустов хватыш.

- А я всех вас давишь!

Сел на голову и раздавил всех.

Привередница

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое – дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболее, а Ивашечке всего пошёл третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

- Мы-де тебе и того дадим, и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, – на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечёт мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит:

– Кисел, давай медку!

Нечего делать, зачерпнёт мать на ложку мёду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без мёду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

– А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов калёных, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. – Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйдем на улицу!» А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили её в лес с ребёнком – она села и стала брату веночки плести. Подруги поманили её в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам – та не знает, другая не видела. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать: бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

– Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

– Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

– Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

– Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! – сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, – села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

– Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

– Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка – может статься, тогда и скажу!

– Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много – и то ем по выбору!

Покачала на неё яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

– Давали голодной Маланье олады, а она говорит: «Испечены неладно!»

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

– Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

– А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперед моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

– Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

– Эх, – погрозила на неё река, – не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

– Ёжик, ёжик, не видал ли ты моего братца?

А ёжик ей в ответ:

– Видел я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребёнка в красной рубашечке.

– Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! – завопила девочка-привередница. – Ёжик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал ёж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Яга Баба, в избушке на курьих ножках; в прислугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

– Ёжик ты мой рябенький, ёжик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих ножках!

– Ладно, – сказал он и повёл Малашечку в самую чашу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьётся, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке созревают.

«Вот бы поесть!» – думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привёл её к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит – в углу на лавке Баба Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки да вон из избы!

А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял всё стадо гусяное, а сам полетел к Бабе Яге докладывать. А Баба Яга – костяная нога так спит, что с неё пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в то ухо и в другое кричит – не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

– Баба Яга – костяная нога! У нас дома неладно что-то случилось, Ивашечку Малашечка домой несёт!

Тут Баба Яга как расходилась:

– Ах вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусяний крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

– Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

– Девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и властью напилась молока. Вот река и говорит ей:

– Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла её зелёным тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой да с тем и полетели домой.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Малашечка, слыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит её:

– Матушка зелёная яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминуемой, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

– А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

– Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в серёточку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню – нет никого! Полетели ещё туда, сюда да с тем к Бабе Яге и вернулись.

Как завидела она их порожнем, закричала, затопала, завопила на весь лес:

– Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки оциплю, на ветер пушу, самих живьём проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

– Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси всё ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали – еле плетётся.

Вот видит она – в поле та печь стоит, что её ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

– Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы Яги!

– То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «варёного не ем, печёного не хочу, а жареного и на дух не надо!»

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперёд-де таково не буду!

– Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

– Такого-то хлебца я отроду не видала – словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

– Голодному и ржаной хлеб за пряник идёт, а сытому и коврижка вяземская не сладка!

Ну, полезай теперь в устье⁸, – сказала печь, – да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси всё ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

– Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашед Малашечки, опустили на землю и стали промеж себя говорить: что им делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьём съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

– Разве вот что, братья, – сказал передовой вожак, – вернёмся домой, в тёплые земли – туда Бабе Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью всё село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всём отцу с матерью повинилась, про всё рассказала и обещала вперёд слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

⁸ Устье – широкое топочное отверстие русской печи.

Терёшечка

Худое житьё было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолу ещё перебивались так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать – и вместо колодочки стал расти в пелёночках сыночек Терёшечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок⁹. Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придёт, бывало, на берег и зовёт: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». Терёшечка далеко услышит её голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьётся-наестся и опять поедет ловить.

Один раз мать говорила ему: «Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовёт страшным голосом: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». А Терёшечка распознал и говорит: «Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побежала, доку¹⁰ сыскала и добыла себе голосок, как у Терёшечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском: «Терёшечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку». Терёшечка услышал и говорит: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терёшечка обознался, подъехал: она его схватила да в куль¹¹ и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его изжарить; а сама, поднявши лытки¹², пошла опять на раздобытки. Терёшечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил её жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!» А он ей с дуба кричит: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны – нет никого! Опять затянула: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!» А он отвечает: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу: «Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок». Сковал кузнец топорок и говорит: «Не руби же ты остриём, а руби обухом». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубилла, ничего не сделала. Припала к дереву, впилась в него зубами, дерево затрещало.

По небу летят гуси-лебеди; Терёшечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

Гуси-лебеди, возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

⁹ Челночок – уменьш. – ласк. от чёлн – долблёная лодка.

¹⁰ Дока – мастер, искусник, некогда колдун.

¹¹ Куль – большой мешок из рогожи – грубой хозяйственной ткани.

¹² Лытки – (разг.) ноги; икры, голени.

А гуси-лебеди отвечают: «Га-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмёт, донесёт». А ведьма грызёт, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терёшечка опять кричит: «Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоют». – «Га-га! – отвечают гуси. – За нами летит защищенный гусенёк, он тебя возьмёт, донесёт». Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызёт-погрызёт, взглянет на Терёшечку – оближется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

По счастью, летит защищенный гусенёк, крылышками махает, а Терёшечка-то его просит, убажает: «Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоют и чистой водицей обмоют». Сжалился защищенный гусенёк, подставил Терёшечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терёшечку и говорит: «Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!» А Терёшечка под окном отзывается: «А мне?» – «Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?» Старик вышел, увидел Терёшечку, обхватил его, привёл к матери – пошло обниманье! А защищенного гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терёшечку вспоминать.

Кот и лиса

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шкодливый¹³, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил-ходил и набрёл на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полёживает себе, а захочет есть – пойдёт по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса, увидела кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». Поклонилась коту и спрашивает: «Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашёл и как тебя по имени величать?» А кот вскинул шерсть свою и говорит: «Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром¹⁴, а зовут меня Котофей Иванович». – «Ах, Котофей Иванович, – говорит лиса, – не знала про тебя, не ведала; ну, пойдём же ко мне в гости». Кот пошёл к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выпрашивает: «Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?» – «Холост», – говорит кот. «И я, лисица, – девица, возьми меня замуж». Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадает волк и начал с нею заигрывать: «Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали». – «Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». – «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» – «Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена». – «Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?» – «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!» Волк побежал за бараном.

Идёт лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать. «Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». – «За кого

¹³ Шкодливый – озорной.

¹⁴ Бурмистр – начальник города, села.

же ты, Лизавета Ивановна, вышла?» – «А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, – за него и вышла». – «Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?» – «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!» Медведь потащился за быком.

Принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит – и медведь лезет с быком. «Здравствуй, брат Михайло Иваныч!» – «Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?» – «Нет, брат, давно ожидаю». – «Ступай, зови». – «Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня». – «Нет, брат Левон, и я не пойду». Вдруг откуда не взялся – бежит заяц. Медведь как крикнет на него: «Поди-ка сюда, косою чёрт!» Заяц испугался, прибежал. «Ну что, косою пострел, знаешь, где живёт лисица?» – «Знаю, Михайло Иванович!» – «Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком».

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит: «Я полезу на сосну». – «А мне что же делать? Я куда денусь? – спрашивает волк. – Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьям, а сам влез на сосну, на самую таки макушку, и поглядывает: не идёт ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе: «Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном». – «Ступай, косою! Сейчас будем».

Вот идёт кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку: «Ну, брат Левон Иваныч, идёт лиса с мужем; какой же он маленький!» Пришёл кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нём взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!» А медведь говорит: «Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберётся!» Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что это – мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну, – думает медведь, – увидал меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печёнки отбил; вскочил – да бежать! А лисица вслед кричит: «Вот он вам задаст! Погодите!» С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

Лиса-исповедница

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, вошла на двор к мужику и полезла на насест к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во всё горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихо-радке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес – разгуляться, а лисица уж давно его стережёт; спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдёт. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и

стала здороваться: «Здравствуй, Петенька!» – «Зачем её лукавый занёс?» – думает петух. А лиса приступает со своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару¹⁵! Ты у меня за всё ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю тёмную ночь приходила и хотела попользоваться одним курёнком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» – «Ах, лиса! – говорит петух. – Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвиrneю¹⁶, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдёт про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

Никита Кожемяка

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмёт девку да и съест её. Пришёл черёд идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил её к себе в берлогу, а есть её не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит брёвнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ ещё принесёт. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живёт в городе Киеве Кожемяка – тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: същите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошёл просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришёл сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись – и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошёл супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слёзы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шёл он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слёзы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошёл на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» – сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». – «Хорошо, – сказал Кожемяка, – надо между проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в неё змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провёл борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, – говорит змей, – теперь мы всю землю разделили!» – «Землю разделили, – проговорил Никита, – давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Въехал змей на

¹⁵ Задать жару – расправиться с кем-либо.

¹⁶ Просвирия – женщина, которая занимается выпечкой просвиры – белый круглый хлебец из крутого теста, употребляемый в православном богослужении.

середины моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом её пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, – называет её валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошёл опять кожи мять.

Журавль и цапля

Летала сова – весёлая голова; вот она летала-летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь к цапле!»

Пошёл журавль – тяп, тяп! Семь вёрст болото месил; приходит и говорит: «Дома ли цапля?» – «Дома». – «Выдь за меня замуж». – «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как не солоно похлебал, ушёл домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» – «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» – Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму её замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня». – «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошёл журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

Петушок – золотой гребешок

Жили-были кот, дрозд да петушок – золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят – строго наказывают:

– Мы пойдём далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придёт лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,

За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.
В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:
– Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше пойдём, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса – опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису – кот дерёт, дрозд клюёт – и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

– Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше уйдём, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса – тут как тут: села под окошечко и поёт:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса – опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок всё помалкивает. А лиса – опять:

Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за тёмные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал – кот и дрозд не слышали его. А когда вернулись домой – петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы¹⁷ и давай натренькивать:

Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Ещё дома ли Лисафья-кума,
Во своём ли тёплом гнёздышке?

Лисица слушала, слушала и думает: «Дай-ка посмотрю – кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд её схватили – и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

Морозко

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает – ничем не угодит, всё не так, всё худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в тёплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!» Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повёз бездомную во чисто

¹⁷ Гусельцы – уменьш. – ласк. от гусли – русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент.

поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая, трясётся и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» – «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз хотел её тукнуть и заморозить; но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» – «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз пришёл совсем не по душу, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов. «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь». Старик поехал. А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» – «Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!» Старуха и блины давала и била её, а собачка всё своё: «Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!»

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук, высокий, тяжёлый, идёт падчерица – панья паньей сияет! Мачеха глянула – и руки врозь! «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место». Повёз старик на то же поле, посадил на то же место. Пришёл и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил её и убил. «Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!» – «Не ври! На́ пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!» Растворились ворота, старуха выбежала встретить дочь, да вместо её обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Русская литература XIX века

Проза

Владимир Иванович Даль (1801–1872)

Русский ученый и писатель, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», Владимир Иванович Даль родился в 1801 году в местечке Лугань. Его отец был родом из Дании – отсюда и столь необычная для русского человека фамилия. В юности, во время учебного плавания, Даль посетил Данию, о чём спустя много лет вспоминал: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, моё отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».

Всю жизнь, помимо работы над словарём, Даль собирал русский фольклор, писал очерки о русской жизни. Писатель много путешествовал по стране, поэтому прекрасно знал русский быт.

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

– А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

– Что ж будешь делать – нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Возшло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики – пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну – глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комочек, и говорит им:

– Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

– Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушек погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

– Иди, – говорит, – куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидели ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать – никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

– О чём, девица, о чём, красная?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Слезай, – сказал медведь, – я тебя домой доведу!

– Нет, медведь, – отвечала девочка Снегурочка, – я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Медведь ушёл. Бежит серый волк:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Слезай, – сказал волк, – я доведу тебя до дому!

– Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

– Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя – ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

– Гам, гам, гам! – залаяла собака в лесу. А девочка Снегурочка закричала:

– Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь – девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у

бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула пушнякам своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала¹⁸, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Старик-годовик

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз – и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз – и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз – полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз – и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая – чёрная. Махнёт птица раз – станет светлым-светло, махнёт другой – станет темным-темно.

Что за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая – чёрная?

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

Лев Николаевич Толстой родился 9 сентября 1828 года в усадьбе Ясная Поляна. Предок писателя по отцовской линии был сподвижником Петра I и одним из первых в России получил графский титул. По матери Толстой был родственником А.С. Пушкина. В отличие

¹⁸ Лобызгать – (устар.) целовать.

от Пушкина Толстой получил домашнее образование и воспитание. В 16 лет будущий писатель поступил в Казанский университет на философский факультет, позже перешёл на юридический. Однако, не окончив курса, Толстой ушёл из университета и поселился в Ясной Поляне, которая досталась ему в наследство от отца.

Следующие несколько лет Толстой пытался найти своё призвание: пытался переустроить быт крестьян, держал экзамены на степень кандидата права, позже поехал добровольцем на Кавказ.

В 1859 году Толстой открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, где сам вёл занятия. Затем помог открыть ещё около 20 школ в окрестных деревнях. Толстой специально ездил в Европу посмотреть школы, перенимать опыт. В год отмены крепостного права писатель вступил в должность мирового посредника и активно защищал права крестьян.

Косточка (Быль)

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице¹⁹, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» Все сказали: «Нет». Ваня покраснел как рак и сказал тоже: «Нет, я не ел».

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я косточку бросил за окошко». И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Старый дед и внучек

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке²⁰. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят – сынишка их на полу дощечками играет – что-то слаживает.

Отец и спросил:

– Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

– Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

¹⁹ Горница – комната, служившая для приёма гостей.

²⁰ Лоханка – круглая или продолговатая посуда для мытья посуды и других хозяйственных нужд.

Птичка

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже сетку, чтобы птиц ловить.

Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка, и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется.

Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку. Мать говорит:

– Не хороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь?

– Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить!

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку.

Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась, и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

– Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей! И как у него сердце бьётся.

Мать сказала:

– Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

– Нет, я его кормить и поить буду.

Посадил Серёжа чижа в клетку, и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменял ему воды. Мать ему и говорит:

– Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её.

– Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чижик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой.

Мать увидела, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

– Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чижик нашёл дверцу, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку, да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чижик был ещё жив, но лежал на груди, распутивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать:

– Мама! Что мне теперь делать?

– Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чижику, а чижик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро дышал. Когда Серёжа пошёл спать, чижик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть; всякий раз, как он закрывал глаза, ему представлялся чижик, как он лежит и дышит.

Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чиж уже лежит на спинке, поджал лапки и заостенел.

С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

Зайцы и лягушки

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

– И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду. Один заяц говорит:

– Стойте, ребята! Подождём топиться; вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас бояться.

Отец и сыновья

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

– Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

– Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь – вас всякий легко погубит.

Булька

У меня была мордашка. Её звали Булька. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней, и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубами и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную²¹, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой.

Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюны, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо по моему следу поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

Три калача и одна баранка

Одному мужику хотелось есть. Он купил калач и съел – ему всё ещё хотелось есть. Купил другой калач и съел – ему всё ещё хотелось есть. Он купил третий калач и съел – ему всё ещё хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт.

Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

– Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

²¹ Перекладная – экипаж, запряжённый лошадьми, которые менялись на почтовых станциях; «на перекладных» путешествовали в России до проведения железных дорог.

Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870)

Знаменитый русский педагог Константин Ушинский родился в 1824 году в Туле, позже вся семья переехала в небольшой уездный город Новгород-Северский. Всё детство Ушинского прошло там – в небольшом имении на берегу реки Десны.

В 1862 году Ушинского направили на пять лет за границу для лечения и изучения школьного дела. За время своего путешествия педагог посетил Швейцарию, Германию, Францию, Бельгию и Италию, где он изучал учебные заведения – женские школы, детские сады, приюты и школы, особенно в Германии и Швейцарии. В то время эти страны считались самыми передовыми в части новаций в педагогике. За границей Ушинский пишет и издаёт учебную книгу «Родное слово» и книгу «Детский мир», фактически первые массовые и общедоступные российские учебники для начального обучения детей.

Четыре желания

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

– Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была.

– Запиши своё желание в мою карманную книжку, – сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

– Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

– Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды – румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

– Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

Ветер и солнце

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал – и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказало тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

Учёный медведь

– Дети! Дети! – кричала няня. – Идите медведя смотреть.

Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

– А ну-ка, Миша, – говорит нижегородец, дёргая медведя цепью, – встань, подымись, с боку на бок перевались, честным господам поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

– А ну-ка, Мишенька, – продолжает нижегородец, – покажи, как малые ребяташки горох воруют: где сухо – на брюхе, а мокренько – на коленочках.

И пополз Мишка: на брюхо припадает, лапой загребает, будто горох дёргает.

– А ну-ка, Мишенька, покажи, как бабы на работу идут.

Идёт медведь, нейдёт; назад оглядывается, лапой за ухом скребёт. Несколько раз медведь показывал досаду, ревел, не хотел вставать; но железное кольцо цепи, продетое в губу, и кол в руках хозяина заставляли бедного зверя повиноваться.

Когда медведь переделал все свои штуки, нижегородец сказал:

– А ну-ка, Миша, теперича с ноги на ногу перевались, честным господам поклонись, да не ленись – да пониже поклонись! Потешь господ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь, а деньги, так ко мне вернись.

И пошёл медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гри-венник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь...

Худо тому, кто добра не делает никому

«Гришенька! Одолжи мне на минутку карандаш».

А Гришенька в ответ: «Носи свой, мой мне самому нужен».

«Гриша! Помоги мне уложить книги в сумку».

А Гриша в ответ: «Книги твои, сам их и укладывай».

Любили ли Гришу товарищи?

Гусь и журавль

Плавает гусь по пруду и громко разговаривает сам с собою: «Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху: нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!»

Послушал гуся журавль и говорит ему: «Прямо ты, гусь, глупая птица! Ну, можешь ли ты плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как орёл?»

Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем всё, да плохо».

Орёл и кошка

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива. Вдруг, откуда ни возьмись – огромный степной орёл: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва насмерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силен, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

Поэзия

Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844)

Евгений Абрамович Баратынский родился в 1800 году в селе Мара Тамбовской губернии в небогатой дворянской семье. В 1812 году будущий поэт поступил в Петербургский пажеский корпус, однако через четыре года был из него исключён за совсем небезобидные мальчишеские проделки. Наказание было строгим – кроме исключения Баратынского навсегда лишили права поступать на какую-либо службу помимо солдатской. В 1819 году он был зачислен рядовым в Петербургский лейб-гвардии егерский полк.

В течение семи лет Баратынский служит в армии (пять из них в Финляндии). Несмотря на просьбы друзей, в офицеры его произвели только в 1825 году, когда он и смог выйти в отставку. После этого поэт живёт то в Москве, то в своих имениях. Много пишет и печатается – помимо отдельных публикаций выходят и два сборника его произведений.

«Весна, весна! как воздух чист!...»

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьём она ручей
И с птичкой птичка! С ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце, и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нём
Забвенные мысли пьёт,
Кого далеко от неё
Он, дивный, унесёт!

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848–1930)

Родился Спиридон Дрожжин в 1848 году в семье крепостных крестьян в д. Низовка Тверской губернии. В школе учился две неполных зимы, потом мать отправила его на заработки в Санкт-Петербург, где он работал «мальчиком на побегушках» и «половым» в гостиницах и трактирах, продавцом в табачной лавочке и книжном магазине.

Следующие годы жизни Дрожжина прошли в скитаниях по России, он сменил множество профессий. В 16 лет Дрожжин написал своё первое стихотворение, в 1867 году начал вести дневник и вёл его до конца жизни.

«Всё зазеленело...»

Всё зазеленело...
Солнышко блестит,
Жаворонка песня
Льётся и звенит.
Бродят дождевые
В небе облака,
И о берег тихо
Плещется река.
Весело с лошадкой
Пахарь молодой
Выезжает в поле,
Ходит бороздой.
А над ним всё выше
Солнышко встаёт,
Жаворонок песню

Привет

Привет тебе, мой край родной,
С твоими тёмными лесами,
С твоей великою рекой
И неоглядными полями!
Привет тебе, народ родимый,

Герой труда неутомимый
Среди зимы и в летний зной!
Привет тебе, мой край родной!

* * *

Пройдёт зима холодная,
Настанут дни весенние,
Теплом растопит солнышко,
Как воск, снега пушистые.
Листами изумрудными
Леса зазеленеются,
И вместе с травкой бархатной
Взойдут цветы душистые.

Родине

Как не гордиться мне тобой,
О, родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою, недвижим, я,
Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На тёмные леса.
Как хороша ты в тёплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!
Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдаёт!
Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..
Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю,
Хожу среди своих лугов,
Мечтаю и пою.
Во всей в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Жуковский Василий Андреевич родился 29 января 1783 года в Тульской губернии. Из тульского пансиона был отчислен за неуспеваемость. Но в 1797 году 14-летний Жуковский поступил в московский благородный университетский пансион, который окончил с серебряной медалью.

В 1812 году Жуковский вступил в московское ополчение и участвовал в боях. В конце 1812 года Жуковский получает награду за Бородино – боевой орден Святой Анны 2-й степени. В это же время он публикует поэму «Певец во стане русских воинов», которая прославила имя Жуковского по всей России больше, чем все его предыдущие труды. Царская семья высоко оценила произведение и в 1815 году пригласила поэта сначала на должность чтеца, а затем – учителя русского языка к невесте будущего императора Николая I. В июле 1824 года Жуковский назначается воспитателем 6-летнего наследника российского престола, великого князя Александра Николаевича. Жуковский был прекрасным преподавателем и воспитателем.

* * *

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,

Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Жаворонок

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны;
Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь божий мир здесь вижу я.
И славит бога песнь моя!

Птичка

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнёздышко вьёшь ты;
Там и поёшь ты
Песню свою.

Котик и козлик

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик
Помадит свой ротик;
А козлик седою
Трясёт бороною.

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

Иван Андреевич Крылов родился 13 февраля 1769 года в Москве в семье бедного армейского капитана. По долгу службы семья часто меняла место своего жительства. Вскоре после рождения сына семья переехала в Оренбург. А когда отец вышел в отставку, семья поселилась в Твери. Грамоте выучился дома, французским языком занимался в семействе состоятельных соседей. Отец очень рано умер. Мать с двумя маленькими детьми осталась без средств к существованию. Крылову с десяти лет приходится работать – его определяют переписчиком казённых бумаг. Став постарше, он любит бродить по торговым площадям, любит кулачные бои, народные забавы. Народная речь, пересыпанная прибаутками, ему особенно нравится, легко и надолго запоминается.

Первые произведения Крылова проходят не замеченными большой публикой. Однако в 1801 году в Петербурге впервые была поставлена на сцене пьеса Крылова «Пирог», которая имела успех. В это же время появляются первые переводы басен Лафонтена. В 1809 году вышел в свет первый сборник басен Крылова, принесший ему известность. Язык его басен был таким ярким и остроумным, что многие строки стали поговорками.

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас —
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». —
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:

Так пойдё же, попляши!»

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)

Родился 23 мая 1821 года в Москве в семье, происходившей из старинного дворянского рода. Его отец был известным художником. Детские годы прошли в московском доме и подмосковном имении, которые часто посещали художники и литераторы. Писать стихи Аполлон Майков начал с пятнадцати лет, но в выборе призвания долго колебался между живописью и поэзией.

В 1834 году семья переселяется в Петербург. Майков учится на юридическом факультете Петербургского университета, но не оставляет и литературных занятий. Его первый поэтический сборник вышел в 1842 году и имел большой успех.

Колыбельная песня

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,

Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?»
«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

Весна (Посвящается Коле Трескину)

Уходи, зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!
Старой спорить ли, тщедушной,
С ней – царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!
А что шума, что гуденья,
Тёплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!
У неё не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь – и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..
Да найдут и по оврагам!
Вон – уж пчёл рой шумят,
И летит победным флагом
Пёстрых бабочек отряд!

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)

Некрасов родился на Украине. Мальчику не было и трёх лет, когда его отец перевёз семью в деревню Грешнево Ярославской губернии. В 10 лет Некрасов поступил в ярославскую гимназию, где дошёл до 5-го класса. Учился он плохо, занятия большей частью прогуливал вместе со старшим братом Андреем. Отец всегда мечтал о военной карьере для сына, и 16-летний Некрасов отправился в Петербург для определения в дворянский полк.

Однако в Петербурге встреча с гимназическим товарищем и знакомство с другими студентами возбудили в юном Некрасове такую жажду учиться, что он отказывается от военной службы и начинает готовиться к вступительному экзамену в Петербургский университет. Отец отказывается помогать сыну. Некрасов учится на филологическом факультете, терпит страшную нужду, не каждый день имеет возможность обедать, но лишения не сломили его упорство в стремлении получить образование.

Дедушка Мазай и зайцы

I

В августе, около Малых Вежей
С старым Мазаем я бил дупелей²².

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нём,
А разразилась жестоким дождём!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые
С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,
Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом её убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зелёных садах;
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весной всплывает,
Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной²³ дорогой ходить ему – скука!

За сорок вёрст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочём.

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». – «А леший?» – «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал

²² Дупель – болотная птица с длинным тонким клювом.

²³ Торный – гладкий, ровный (о дороге).

Целую ночь – никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину,
Вечером пеночка нежно поёт,
Словно как в бочку пустую удод
Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точёны, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,
Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять²⁴.
Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка – заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врёшь – упадёшь!» – добродушно кричит.
Знает он много рассказав забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом – тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит – и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.
«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
«Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружьё положу,
Над уголёчками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!»

«Вот так охотник!» – Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

²⁴ Пуделять – (охот. простореч.) стрелять мимо, делать промахи в стрельбе по чему-либо.

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже, – их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал – их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина²⁵ земли в ширину,
Меньше сажени²⁶ в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, – ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! – сказал я. – Не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя²⁷, плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его – тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном²⁸ —

²⁵ Аршин – устаревшая мера длины, равна 71 см.

²⁶ Сажень – старорусская единица измерения расстояния. 1 сажень = 2,1 метра

²⁷ Гуторить – (обл.) говорить, беседовать, болтать.

²⁸ Зипун – в старину – верхняя одежда у крестьян.

Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нём.
«Взял бы я вас – да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! Любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и «с Богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.